

ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.Е. МАРТЫНОВ

ЧЖАН БИН-ЛИНЬ, ГУ ЦЗЕ-ГАН И “ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” В КИТАЕ

Статья посвящена “историографической революции” первой трети XX в. в Китае. Для рассмотрения выбраны методологические системы двух мыслителей-радикалов, представлявших два поколения: Чжан Бин-линя (1869–1936) и Гу Цзе-гана (1893–1980). Оба получили традиционное конфуцианское образование, которое определило направление научного поиска, амбивалентное отношение к традиционной китайской культуре и историческому знанию. Мышление Чжан Бин-линя имело сильную политическую и националистическую обусловленность, в сочетании с восприятием новейших течений *Kulturgeschichte* через японские переводы и труды японских историков. Восприятие важных положений ранкеанского позитивизма, в частности, акцент на источниковедческую критику (*Quellenkritik*), хорошо коррелировало с неоконфуцианским “доказательным изучением” (*каоцжэн*). Признавая объективность времени и существование законов истории, Чжан Бин-линь отвергал моральные оценки традиционной конфуцианской историографии, он также впервые противопоставил мифологию и историческую истину. Гу Цзе-ган стремился к феноменологической реконструкции менталитета и восприятия истории на очередном этапе исторического развития. Но ему так и не удалось выйти за пределы прагматического использования сведений мифологии для доказательств правоты выдвинутых гипотез.

Ключевые слова: китайская историография, «историографическая революция», научный метод, Лян Ци-чао, Чжан Бин-линь, Гу Цзе-ган

Широко известное в Китае понятие “историографическая революция” (*шисюэ гэмин*, 史学革命)¹ имеет два основных значения. Во-первых, это комплекс исторических теорий и дискуссий, рассматриваемых как следствие «воздействия буржуазной исторической теории», последовавшего за агрессией империалистических держав в Китае. Ключевая фигура “историографической революции” – Лян Ци-чао (梁启超, 1873–1929), а важнейшим ее содержанием признается «прививка» эволюционистских взглядов и позитивистское стремление отыскать универсальные законы исторического развития². Насильственная «марксизация» китайской исторической науки во время идеологических кампаний 1950-х гг., особенно «борьбы с правыми элементами» (под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов») и «Большого скачка», также именуется «историографической революцией»³. В статье мы коснёмся лишь некоторых аспектов историографической революции первой трети XX в., связанной с именами двух её ярчайших представителей, чьи методологические концепции противостояли друг другу.

¹ Лян Ци-чао использовал термин *шицзе гэмин* (史界革命).

² Мартынов 2019: 107–108. Далее приведён наш перевод вводного эссе трактата «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. В западной историографии лучшим исследованием этих вопросов является монография: Tang Xiaobing 1996 (Р. 56–79, 206–220).

³ Гу Сюэ-фэн 2011.

Великий китайский просветитель Чжан Бин-линь (章炳麟), также именуемый Чжан Тай-янь (章太炎, 1869–1936) получил широкую известность как активный участник историографической революции и движения за новую культуру⁴. При этом система его взглядов не отличалась последовательностью, причудливо сочетала крайне правые и ультралевые элементы, и, по мнению Н.М. Калюжной, «носила синтетический характер»⁵. После Синьхайской революции Чжан Бин-линь демонстративно перешёл на позиции культурного консерватизма, писал нарочито архаизированным переусложненным языком. Несмотря на это, во время «Культурной революции» 1966–1976 гг. он считался выдающимся революционным деятелем. Для нужд хунвэйбинов выпускались переводы его статей на современный китайский язык⁶.

Историографическая революция была неотделима от пропаганды идеи прогресса. Чжан Бин-линь в этой сфере был последовательно оригинален: популяризируя теорию эволюции, он критиковал её⁷. И если Н.М. Калюжная кратко резюмировала, что мыслитель «отверг одностороннюю эволюцию»⁸, то японский ученый Кондо Куниясу (近藤邦康) последовательно исследовал критику современности Чжан Бин-линем⁹. Во время пребывания в Японии Чжан Бин-линь познакомился с трудами японских философов – Иноуэ Энрё (井上円了, 1858–1919), Анэсаки Ма-сахару (姉崎正治, 1873–1949) и Като Хироюки (加藤弘之, 1836–1916), которые вели между собой дискуссию¹⁰. Оба стремились к синтезу европейской и буддийской философии: Иноуэ с позиций гегельянства, а Като – позитивизма О. Конта и Л. Ранке. «Прививка» эволюционизма привела мыслителей поколения Чжан Бин-линя к открытию, поистине шокирующему: произошла историзация собственной китайской традиции, что не могло не привести к релятивизму¹¹. В указанных условиях, китай-

⁴ *Синь вэньхуа юньдун* (新文化运动). Базировалось, в основном, в Пекине и Шанхае. Формальным главой его были Цай Юань-пэй (ректор Пекинского ун-та), и основатели китайского марксизма Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао. Орган – журнал «Новая молодежь» (*Синь циньянь*). Основные лозунги движения сводились к замене конфуцианства сциентизмом, деспотии – демократией, а древнекитайского литературного языка – современным, основанным на разговорной норме. Это позволяло начать широкую просветительскую кампанию (апологетом её был Ху Ши). Движение породило классиков новой китайской литературы – Мао Дуня, Лао Шэ, Лу Синя, Дин Лин. Благодаря приглашениям лидеров движения, между 1917–1924 гг. в Китае побывали с курсами лекций Дж. Дьюи, Б. Рассел, Р. Тагор. С середины 1920-х движение раскололось по политическим причинам, значительная часть его членов вступила в ряды КПК.

⁵ Калюжная 1995: 280.

⁶ Калюжная 1995: 19.

⁷ Murthy 2011: 135.

⁸ Калюжная 1995: 258. Автор ссылается на статью «О национальной науке» (*Гоцзя лунь*, 国家论) по: Чжан 1985: 386.

⁹ Murthy 2011: 136.

¹⁰ Краткое изложение дискуссии см.: Murthy 2011: 148–150.

¹¹ Levenson 1965: 87. Вирен Мёрфи отмечал, что Левенсон работал с теорией репрезентации истории Чжан Бин-линя, а не его теорией истории (Murthy 2011: 142).

ские интеллектуалы в Японии эпохи Мэйдзи (明治, 1868–1912) воспринимали и концепции немецкой *Kulturgeschichte* в японском переводе.

Исследование роли японских интеллектуалов в становлении новой китайской историографии предложил Ван Ци-цзя (王晴佳, Q. Edward Wang)¹². Историческая наука в Японии эры Мэйдзи отличалась значительным своеобразием. В первый год правления Мэйдзи (1869) было создано специальное правительственное бюро по написанию истории государства (*кокусси*, 国史), которое ориентировалось на древнекитайские шаблоны. Более того, новая историография мыслилась как конфуцианская в своей основе – несущая моральный урок подданным, и даже написанная на древнекитайском литературном языке (*камбун*, 漢文)¹³. В результате смены политического курса императорская Япония стала ориентироваться на модель кайзеровской Германии, и первым профессором истории Токийского университета был назначен Людвиг Рисс¹⁴. Рисс привил первому поколению японских историков эпохи Мэйдзи ряд важных положений ранкеанского позитивизма, в частности, акцент на источниковедческую критику (*Quellenkritik*), что хорошо коррелировало с неоконфуцианским «доказательным изучением» (考證學, *каочжэнсюэ*, по-японски *косэгаку*). Это позволяло использовать историческую науку в актуальной политической борьбе и в целях идеологической обработки населения¹⁵. Примечательно, что первые сводные истории цивилизационного развития Японии и Китая предложил Оцуки Фумихико, известный японский учёный, получивший традиционное конфуцианское образование¹⁶. Написанная им «Краткая история Японии: исправленное издание» (更正日本小史, 1882) означала переворот в восприятии исторического письма на Дальнем Востоке: она была первым линейным нарративом, в котором вместо последовательной смены монархов за основу исторического процесса был взят цивилизационный прогресс нации. В том же 1882 г. Тагути Укити¹⁷ опубликовал «Краткую историю цивилизации

¹² Transforming History 2011: 104.

¹³ Transforming History 2011: 108–109.

¹⁴ Ludwig Riess (1861–1928). Происходил из еврейской семьи из Дойч-Кроны (ныне Валч, Польша). Учился у Л. фон Ранке в Берлинском университете, по контракту между ведомствами образования Германии и Японии, был назначен профессором Токийского университета, в котором работал в 1887–1902 гг. Впервые ввёл преподавание курсов историографии и методов исторического исследования, пропагандировал политический нейтралитет и объективность исторической науки. На базе университета основал Японское историческое общество (в 1889 г.) и первый специализированный «Исторический журнал» (歴史雜誌). После возвращения в Германию, главным образом, занимался медиевистикой и методологией исторической науки.

¹⁵ Levenson 1965: 87. Вирен Мёрфи отмечал, что Левенсон работал с теорией репрезентации истории Чжан Бин-линя, а не его теорией истории (Murthy 2011: 142).

¹⁶ 大槻文彦 (1847–1928) – в первую очередь известен как лингвист. В 1870-е гг. занимался составлением учебников и словарей по заказам Министерства образования. Автор известного словаря «Море слов» (1 изд. 1891 г.) и грамматик японского языка.

¹⁷ 田口卯吉 (1855–1905) – известен, главным образом, как политический деятель и экономист, «японский Адам Смит». В 1879 г. создал и издавал «Токийский эконо-

Японию» (日本開化小史, *Nippon kайка сёси*), а в следующем году аналогичную «Краткую историю цивилизации Китая» (支那開化小史, *Сина кайка сёси*). Однако Тагути в книге о Китае так и не сумел оторваться от традиционной династической периодизации, когда прогресс рассматривался внутри династических циклов. Пример вызвал подражания, в т.ч. профессионального синоведа Нака Митиё (那珂通世, 1851–1908). Именно Нака в незаконченной им «Всеобщей истории Китая» (支那通史) попытался привязать события китайской истории к тройственной периодизации «древность – средневековье – новое время» (上世, 中世, 近世). Аналогичные труды публиковались в 1890-е гг.¹⁸ В 1903 г. цинское ведомство просвещения опубликовало список книг, пригодных для преподавания истории в реформированных учебных заведениях, причём 8 из 10 представленных текстов, были переводами с японского языка. Одной из этих книг была «Методология исторической науки» (史學研究法, *Сигаку кэнкю*) Цубои Кумасана¹⁹. Именно учебник Цубои был главным пособием и манифестом позитивизма для китайских историков.

Изначальным мотивом для критики эволюционизма со стороны Чжан Бин-линя послужило политическое несогласие с конфуцианскими реформаторами – Кан Ю-вэем, Тань Сы-туном и Янь Фу. Когда в 1902 г. в ответ «Новому учению об истории» Чжан Бин-линь огласил проспект своей «Общей истории Китая» (*Чжунго тунши люэли*, 中国通史略例), его «ответ» оказался сугубо традиционалистским. Откровенную политичность замысла философ и не думал скрывать:

«Ныне затеяв [написать] «Общую историю Китая», [я] желаю ограничиться 100 цзюанями, в которых переплаваю высшие истины мироздания. Дабы не увлечься низким и не гнаться за второстепенным, следует извлечь из прошлого эссенцию... <...> Историки Запада большое внимание уделяют периодизации, китайские – в основном библиографии и ценят дифференциацию и классификацию; они не проводят границы между эпохами должным образом, хотя и те, и другие занимаются систематизацией (经纬). В просветительских целях это приходится излагать в самых общих чертах, поскольку [ход времени] от древности к современности еще не завершился. Поэтому те [историки], которые занимаются периодизацией, годятся для школьного обучения, шлифовки и систематизации познаний, и всякий, кто имеет представление о систематике, может рассуждать о цивилизации и варварстве. Всякая вещь имеет начало и конец, и потому всё может быть сопоставлено со всем»²⁰.

мический журнал», один из основателей Токийской фондовой биржи. С 1894 г. – депутат японского парламента, сооснователь Прогрессивной партии.

¹⁸ Transforming History 2011: 112–114.

¹⁹ 坪井九馬三 (1859–1936) – японский историк. Начальное образование получил у дяди-монаха, окончил Токийский университет. В 1886–1891 гг. командирован по обмену в Европу (параллельно в Японию отправился Л. Рисс), преподавал в Берлинском, Пражском, Венском и Цюрихском университетах. С 1899 г. занимался исторической географией, преподавал её в Токийском ун-те. Активный пропагандист методологии исторической науки и западной истории в Японии.

²⁰ Цит. по опубликованном нами переводу (по изд. 1906 г., подготовленному автором лично). См.: Мартынов 2020: 241–242.

В. Мёрфи раскрыл буддийскую природу исторических взглядов Чжан Бин-линя, которые он интерпретировал в категориях йогачары (瑜伽派). На феноменальном – научном уровне, Чжан Бин-линь выстраивал событийные ряды в категории объективности²¹. В «Письме Те Чжэну» явно затронут вопрос «извлечения истины из фактов», что прямо коррелировало с дискуссиями Чжана и Кан Ю-вэя²². Чжан Бин-линь использовал буддийский категориальный аппарат для доказательства объективности времени и существования законов истории (их обеспечивают кармические «семена»). Однако он отвергал оценочные суждения, на которых была основана конфуцианская историография от момента ее зарождения, по той причине, что любая ценностная система носит исторически ограниченный характер и неизбежно изменяется. В одном эссе Чжан Бин-линь, не отрицая объективного характера направленного изменения, обрушил резкие выпады против тех, кто «критиковал прошлое на основе настоящего» и ссылался на концепцию воли А. Шопенгауэра, добавляя, что никаких объективных доказательств ее не существует²³.

Если отрешиться от изощренных теорий Чжан Бин-линя, то последовательное применение исторического метода на практике демонстрирует иную картину, которую ярко демонстрируют лекции «Курсов национальных наук», впервые основанных Чжаном ещё в 1920-е и активно пропагандируемых вплоть до кончины мыслителя. Несмотря на принципиальную обращённость в прошлое, очень многое связывало эти тексты и выражаемые ими идеи с последующими трудами Гу Цзе-гана. Как известно, Чжан Бин-линь стоял у истоков современной китайской лексикографии и был составителем первого систематического словаря этимологии иероглифов. В своих лекциях он подчеркивал, что названия сущностей в древности и современности не совпадают, поэтому предостерегал от использования комментариев и произвольных объяснений древних текстов. Ключом к национальной науке является набор древних канонов, не только конфуцианских, но и даосских. Чжан Бин-линь до крайности расширил понятие «канон» (*цзин*, 经), причислив к историческим и философским трактатам сохранившиеся астрономо-математические книги, и даже некоторые апокрифы²⁴, наподобие «Оставленных писаний Чжоу» (逸周书)²⁵. Историческую науку он связывал с географией и сравнивал значение одной для другой как «малую» и «великую» науку в канонведении. Без географии невозможно понимание военных

²¹ Murthy 2011: 150.

²² Исии Ган 2015: 1–4.

²³ Murthy 2011: 156–157.

²⁴ Калюжная 1995: 275.

²⁵ Чжан Бин-линь одним из первых оценил историографический потенциал этого текста, мало востребованного традиционной наукой, как и современной синологией. После начала публикации «Бамбуковых документов Цинхуа», его фрагменты были идентифицированы в подлинных текстах эпохи Чжаньго. – Theobald U. Yizhoushu 逸周書 // ChinaKnowledge.de – An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art. URL: <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Historiography/yizhoushu.html>

операций, описанных в древних текстах, и выяснение пределов империй Хань и Тан. В лекции, прочитанной в Пекинском университете, Чжан коснулся и вопросов исторического письма: «при записи рассказа [об историческом событии] не избежать личностного восприятия, ошибок при передаче событий, разговоров о мелочах, предубеждений»²⁶. В лекции, прочитанной в 1923 г. в Сучжоу, он выдвинул следующие тезисы о сущности «национальной науки»: 1) история в классических книгах – это не миф; 2) основополагающие документы в классических книгах и философские трактаты – это не религия²⁷; 3) история – это не беллетристика и не легенды²⁸. В другой лекции Чжан Бин-линь высоко оценил достижения цинского историографа Чжан Сюэ-чэна (章学诚, 1738–1801), выведшего формулу «Шесть канонов – это история»²⁹. Унаследовал он и панисториизм своего однофамильца, настаивая, что восприятие исторического в древности отличалось от современности. «Канон-цзин – это история древних людей, а современная история – это канон потомков». Канон сочетает две важнейшие функции – исторического материала и руководства по нравственному воспитанию. В эссе, посвящённом канону «Чунью», Чжан описывал гражданственную функцию истории как средства, осуществляющего связь времён, укрепляющего национальное самосознание, способствующего свободолобию и предопределяющего перспективу развития, не препятствующего «утрате родоначальника и поглощению иноземными племенами»³⁰.

По справедливому замечанию Ло Чжи-тяня, Чжану-националисту духовное порабощение казалось намного опаснее территориальных захватов: «прежде чем разрушить дом и сокрушить социальную структуру, сначала надо искоренить историю», а точнее, переписать её³¹. Чжан Бин-линь прямо заявлял, что между Китаем и Западом идёт война в сфере культуры, поэтому настаивал на сохранении культурного ядра нации, ключом к которой считал историю.

Выдающийся историк Гу Цзе-ган (顾颉刚, 1893–1980) также формировался в русле цинской каноноведческой традиции; будучи вундеркиндом, он с двух лет заучивал конфуцианские каноны, занимался тончайшими проблемами древней текстологии с дедом, когда его сверстники только начинали школьное образование. С новейшими течениями исторической мысли, Гу познакомился еще до поступления в Пекинский университет, где он некоторое время сотрудничал с Ху Ши, ярчайшим

²⁶ Калюжная 1995: 271.

²⁷ Под «религией» Чжан Бин-линь понимал авраамический монистический теизм вообще, считая христианство и ислам важными составляющими ограничения человеческой свободы.

²⁸ Калюжная 1995: 272.

²⁹ Существует точка зрения, что Чжан Сюэ-чэн всецело находился в неоконфуцианской парадигме и к предтечам историографической революции причислен быть не может (Wong 2003: 181).

³⁰ Калюжная 1995: 276-277.

³¹ Transforming History 2011: 66.

представителем «движения за новую культуру»³²; несколько ранее посещал лекции Чжан Бин-линя³³.

Гу Цзе-ган был блестящим историком-универсалом: он мог одинаково свободно работать во многих жанрах и направлениях³⁴, заложив основу многих исторических наук в Китае, в т.ч. исторической географии. Между 1926–1941 гг. под редакцией Гу Цзе-гана и его коллег вышло семь томов «Критики древней истории» (*Гу ши бянь*). Тексты, помещенные в первый том, имеют принципиальное значение для понимания и оценки методологии самого Гу Цзе-гана. Мы пользовались переизданием 1982 г., для которого уже тяжело больной ученый успел написать новое предисловие, подчеркнув, что главным завоеванием «Движения 4 мая» 1919 г. стало распространение критического мышления³⁵.

Биографы Гу Цзе-гана – дочери Гу Чао и Гу Хун – главным его достижением в создании новой методологии называли «теорию послойного формирования древней истории Китая» (层累地造成的中国古史)³⁶, которая в западных исследованиях именуется «теорией стратификации» (*stratification theory*)³⁷. Впервые теория была предложена Гу Цзе-ганом в 1923 г. в виде открытого письма, адресованного Цянь Сюань-туну (钱玄同, 1887–1938)³⁸. Теория отличается радикализмом и, несомненно, связана с традицией *Kulturgeschichte*, «национальной наукой» Чжан Бин-линя. Сам Гу Цзе-ган формулировал её в категориях «трёх последовательностей и четырёх пунктов» в таких формулировках³⁹:

³² 胡适 (1891–1962) – политический деятель, философ и организатор науки. Имя – «Наиболее приспособленный», получил как результат моды на переводы Янь Фу. В 1910 г. отправлен на обучение в США (Корнеллский и Колумбийский ун-ты), в 1914 г. его научным руководителем был Дж. Дьюи. С 1917 г. профессор Пекинского ун-та, где стал одним из главных идеологов «Движения за новую культуру» и «Литературной революции» (перехода с древнекитайского на разговорный язык и придание ему статуса литературного). В 1922 г. возглавил гуманитарный факультет. В 1926–1927 гг. жил на Западе, в США защитил докторскую диссертацию, продолжал работать в вузах Пекина. 1938–1942 гг. – посол Китая в США, далее работал в Библиотеке Конгресса и Гарвардском ун-те, в 1945 г. состоял в Учредительном комитете ООН. Один из авторов устава ЮНЕСКО и конституции Тайваня 1947 г. Параллельно в 1946–1948 гг. – ректор Пекинского ун-та. После 1949 г. жил в США и на Тайване, возглавлял Национальный исследовательский институт. Известен трудами по истории китайской философии, о классических китайских романах, и т.д.

³³ Гу Чао, Гу Хун 2014: 140–141.

³⁴ Полное собрание сочинений его составляет 62 тома, включая 12 томов дневников.

³⁵ Гу Цзе-ган 1982: 1.

³⁶ Гу Чао, Гу Хун 2014: 66. Собственно, формулировка: Гу Цзе-ган 1982: 60.

³⁷ Нон Tze-Ki 1996: 324. Хань Цзы-ци (韓子奇) – профессор Гонконгского университета, специалист в области интеллектуальной истории, особенно «И-цизна» и сунского неоконфуцианства.

³⁸ Нон Tze-Ki 1996: 324. Цянь Сюань-тун – видный деятель движения «4 мая», близкий друг Лу Синя, ученик Чжан Бин-линя. Его сын Цянь Сань-цян (钱三强, 1913–1992), физик-ядерщик, учился у П. Кюри, и сделался китайским аналогом С.П. Королёва и И.В. Курчатова, разработав национальные программы ядерных вооружений и ракетостроения в КНР.

³⁹ Гу Цзе-ган 1982: 60. См. также: Гу Чао, Гу Хун 2014: 66.

1. «Чем позже появляется мифологический персонаж в литературных текстах, тем к большей древности относится время его деятельности. В текстах эпохи Чжоу (1122–770 гг. до н.э. по традиционной хронологии), древнейшим из правителей считался Юй⁴⁰, в эпоху Чуньцю (770–479 гг. до н.э.) появились образы Яо и Шуня⁴¹, в эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) появляются упоминания о Хуан-ди⁴² и Шэнь-нунэ⁴³. В эпоху Цинь (221–209 гг. до н.э.) Жёлтый владыка вошёл в сонм «трёх августейших»⁴⁴, пока в Ханьскую эпоху (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) не появился миф о первочеловеке Пань-гу (盘古)».

2. «Поздним историческим эпохам соответствуют всё более и более мифологизированные герои». Для Конфуция (551–479 гг. до н.э.) Шунь был лишь образцом «правления недеянием», на основе собственного примера; у Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) Шунь – совершенный мудрец и образец сыновней почтительности⁴⁵.

3. «Мы не в состоянии установить подлинности событий и персонажей глубокой древности, однако можем установить эпоху стабилизации тех или иных мифологических образов. [То же касается исторических событий]. До нас не дошли анналы династии Восточное Чжоу (770–256 гг. до н.э.), но, по крайней мере, мы располагаем источниками эпохи Чжаньго (403–221 гг. до н.э.), и представляем их восприятие Восточного Чжоу. Мы не располагаем подлинными анналами династий Ся и Шан⁴⁶, но, по меньшей мере, можем постичь, как историки Восточного Чжоу воспринимали *Дао* Ся и Шан»⁴⁷.

⁴⁰ Юй Великий (大禹) – культурный герой, историзированный конфуцианской традицией. Считается избавителем Поднебесной от всемирного потопа и великим устройтелем, разделившим её на 9 провинций-островов. Считается основателем первой императорской династии Ся (2205–1766 гг. до н.э. по традиционной хронологии).

⁴¹ Яо (堯, 2376–2255 гг. до н.э.) и Шунь (舜) – в конфуцианской мифологии идеальные правители, которые передавали власть в Поднебесной достойнейшему. Шунь, таким образом, воздал Великому Юю за его заслуги.

⁴² «Жёлтый владыка» (黃帝) в историзированной мифологии воцарился, якобы, в 2597 г. до н.э. В даосской религии он почитался как владыка Земли, автор множества медицинских текстов, а также первый бессмертный.

⁴³ «Божественный земледelec» (神農) – «изобретатель» земледелия и врачевания.

⁴⁴ «Трое августейших и пять владык» (三皇五帝) – древнейшие правители Китая и культурные герои, набор которых варьируется в источниках разных традиций. В историзированной мифологии помещались в III тыс. до н.э.

⁴⁵ Гу Цзе-ган 1982: 60.

⁴⁶ Друг и коллега Гу Цзегана – Фу Сы-нянь (傅斯年, 1896–1950) в 1930-е гг., основываясь на новейших археологических находках, заявил, что государства Ся, Шан и Чжоу были населены разными этносами и носителями разных культур, и не предшествовали одно другому, а сосуществовали одновременно на соседних территориях. С 1960-х гг. эту гипотезу пропагандировал в западной историографии китайско-американский исследователь Чжан Гуан-чжи (張光直, Kwang-chih Chang, 1931–2001). Историчность существования династии Ся окончательно не установлена, несмотря на политические установки правительства КНР и результаты «Хронологического проекта Ся – Шан – Чжоу» (Li Xueqin 2002: 331–332).

⁴⁷ Гу Цзе-ган 1982: 60.

Брайан Мэллони в данном контексте отметил, что в лексиконе Гу Цзе-гана, его старших и младших коллег, присутствовала некоторая непоследовательность терминологии, выражаемая во взаимозаменяемости терминов «легенда» и «миф». Первый – *чуаньшио* (傳説, дословно «слухи, пересуды») бытовал в литературе, по крайней мере, с Ханьской эпохи. Собственно миф – *иэньхуа* (神話, дословно «сказ о божественном»), был японским неологизмом, введенным Такаги Тосё⁴⁸ и широко распространённым работами по фольклористике Янагита Кунио⁴⁹. На китайском языке данный термин стал активно использовать Лян Ци-чао в «Новом учении об истории» применительно к Древней Греции, а не Китаю или Японии. Идея существования в Древнем Китае развитой мифологии была подхвачена филологами и писателями, в т.ч. классиками первой величины, такими как Лу Синь и Мао Дунь, но до Гу Цзе-гана историки относились к ней настороженно. Впрочем, его собственную программу Мэллони называл «иконоборческой»⁵⁰. «Четыре пункта» (四项) программы Гу Цзе-гана сводились к следующему: 1. «Сломать концепцию (观念) единства происхождения [китайской] нации». 2. «Сломать концепцию географического единства [Китая]»⁵¹. 3. «Сломать концепцию гуманизма древности»:

«Люди древности не проводили границы между человеческим и божественным, поэтому все сообщения в древних источниках можно считать целиком мифологическими. Равным образом... почти до бесконечности смешивались понятия человеческого, божественного и животного. Хотя мифология не соответствует современным стандартам историописания, нельзя сказать, что анналы древности не содержат достоверной фактической информации. С конца эпохи Чуньцзо появилось множество мудрецов, раскрывших человеческую природу, в результате имевшиеся у них мифы о древних богах и духах предков были персонифицированы (人化)»⁵².

Помимо персонификации мифов, Гу Цзе-ган утверждал наличие в древней историографии сознательных фальсификаций, поэтому главная задача историка – реконструкция древних представлений об истории в системном виде. Для реконструкции фактологии мифология предоставляет больше достоверного материала, нежели древние политические интерпретации, которые все фальсифицированы в той или иной мере⁵³.

4. «Сломать концепцию Золотого века древности». Гу Цзе-ган напрямую связывал персонификацию и гуманизацию древней мифоло-

⁴⁸ 高木敏雄 (1876–1922) – японский филолог-германист, фольклорист.

⁴⁹ 柳田國男 (1875–1962) – японский политик и интеллектуал. Происходил из семьи конфуцианца, во время обучения в Токио находился под влиянием Мори Огая. Получив образование юриста, служил в Министерстве сельского хозяйства, читал лекции по аграрной политике в университете Васэда. Вершиной его карьеры была должность главы архивов Кабинета министров. Параллельно занимался литературой, в 1907 г. стоял у начала Ибсеновского кружка. В 1935 г. основал Общество исследования фольклора, заложив методологию фольклористических экспедиций.

⁵⁰ Transforming History 2011: 243.

⁵¹ Гу Цзе-ган 1982: 99–100.

⁵² Гу Цзе-ган 1982: 100.

⁵³ Гу Цзе-ган 1982: 100–101.

гии с общими для китайской культуры представлениями о древности как воплощённой социальной гармонии. Более того, концепция благого правления появилась не ранее эпохи Чуньцю и связывалась с утраченной властью династией Чжоу, которая использовала примеры глубокой (вымышленной) древности. Концепция же благих владык глубочайшей древности укоренилась в эпоху Чжаньго, когда велись бесконечные войны за обладание всей Поднебесной⁵⁴.

Первый директор Института китайской истории и филологии *Academia Sinica* Фу Сы-нянь (傅斯年, 1896–1950), констатировал, что историческая мысль в традиционном Китае отставала от филологии и канонovedения, и сравнивал роль Гу Цзе-гана для национальной историографии с Ньютоном для физики и Дарвином для наук о жизни. Даже президент Академии наук Китая Го Мо-жо (郭沫若, 1892–1978), который никогда не был солидарен с Гу Цзе-ганом ни в плане метода, ни в плане политических убеждений, высоко ценил радикализм выводов, представленных в «Критике древней истории»⁵⁵. Перечисленное никоим образом не означало негативизма в историческом мышлении Гу Цзе-гана, поэтому попытаемся интерпретировать основное содержание «теории послонного формирования» и раскрыть значение «четырёх пунктов» его программы для китайской историографической революции.

Хань Цзы-ци утверждал, что Гу Цзе-ган действовал всецело в русле идеологии движения «4 мая», стремясь «освободить будущее от оков прошлого»⁵⁶. Действительно, Гу Цзе-ган предельно далек от позитивистской программы «восстановления прошлого таким, каким оно было», поскольку сознавал, что историк изучает лишь превращённые формы представлений об исторической действительности. Изучение представлений позволяет в новых контекстах извлекать новые объяснения и понимание. При этом Гу Цзе-ган, в духе времени (а равно и под влиянием общения с американскими коллегами из Гарвард-Яньцзинского института) был в определенной степени затронут презентизмом, поскольку миссию историка понимал как объяснение, каким образом прошлое образует настоящее. Иными словами, вместо позитивистского изучения памятников той или иной эпохи и попыток определения, какой из них адекватнее представляет факты, Гу Цзе-ган обратился к феноменологии, стремясь реконструировать менталитет и восприятие истории на очередном этапе исторического развития, прямо заявив, что достоверная реконструкция истории Китая вообще неосуществима. Он проводил аналогии с археологией, и в этом смысле может считаться автором выражения «археология знания», хотя и в отличном от М. Фуко контексте.

Взгляд Гу Цзе-гана ближе, скорее, представлениям о разнице между действительностью и гештальтом у О. Шпенглера, хотя нет никаких свидетельств о знакомстве китайского историка с его трудами. Согласно

⁵⁴ Гу Цзе-ган 1982: 101–102.

⁵⁵ Гу Чао, Гу Хун 2014: 68.

⁵⁶ Hon Tze-Ki 1996: 324.

Гу Цзе-гану, каждая историческая эпоха создаёт собственный образ прошлого и характерный набор способов его репрезентации; причём так или иначе способ репрезентации опирается на предыдущий гештальт. Очень откровенно эти взгляды выражены в «Ответе г-ну Ли Ли-бо», напечатанному в конце первого выпуска «Критики древней истории». Собственно, единственным по-настоящему объективным способом познания древней истории Гу Цзе-ган именует археологические раскопки, которые позволяют извлекать из недр культурных слоёв те или иные материальные объекты. Однако этот метод не позволяет главного: «проникнуть» в глубины человеческого сознания. Далее он проводит параллели между сюжетом драматургического произведения и историческим текстом: это нарративные структуры, а единственный способ исторической репрезентации – рассказ о прошлом. «Главное достоинство древней истории – не истина, а музыка»⁵⁷. Ткань исторического повествования составляют не факты, а метафоры, указывающие на восприятие истории древним современником событий, воспринимавшим их, не задаваясь теми вопросами, которые интересуют историка – современника Гу Цзе-гана⁵⁸. Безусловно, его интерес к буддизму (прямо декларированный в предисловии к первому тому *Гуши бянь*) должен был сказаться на формировании теории. Главным открытием Гу Цзе-гана, завещанным современникам и потомкам, было не пытаться отыскать единую абсолютную истину, но принять многогранность и сложность реальности, учиться рассматривать и интерпретировать её знаки.

В этой связи вернемся к вопросу о методологии Гу Цзе-гана. В автобиографии, которая была написана как предисловие к «Гу ши бянь», он именовал себя прагматиком. В его работе по «упорядочению национальной культуры» (整理國故) наиболее эффективным оказался «научный метод» (科學方法), т.е. сциентизм⁵⁹. Последовательным критиком «Гу ши бянь» являлся Лю И-чжэн, которого обыкновенно именовали консерватором⁶⁰. Тем не менее, Б. Мэллони считал, что Лю отличался от Гу Цзе-гана только используемой терминологией⁶¹. Не случайно, что статья Лю И-чжэна о филологическом анализе имён древнейших китайских правителей, была опубликована в составе «Гу ши бянь». Среди прочего, там содержалось пожелание для Гу Цзе-гана овладеть традици-

⁵⁷ Гу Цзе-ган 1982: 270-271, 272.

⁵⁸ Гу Цзе-ган 1982: 274–275.

⁵⁹ Гу Цзе-ган 1982: 69.

⁶⁰ 柳詒徵 (1880–1956) – один из «двух столпов Наньянского университета» (Лян Ци-чао – один из «великой четвёрки» университета Цинхуа). Получил традиционное образование, в 1902 г. по заказу Чжан Чжи-дуна составил первый учебник национальной истории на основе «Общей истории Китая» Нака Митиё (那珂通世, 1851–1908). Во ходе дискуссий 1920-х гг. выступал против Ху Ши и «литературной революции», защищал ценности традиционной исторической науки Китая. В 1932 г. опубликовал свой главный труд «История культуры Китая» (中國文化史), в котором впервые описал Китай как культурную, а не «расовую», общность.

⁶¹ Transforming History 2011: 245.

онным методом «доказательного изучения» на основе канонического, чтобы не допускать впредь «школярских ошибок»⁶². Со стороны сциентистов наиболее последовательным критиком методологии Гу Цзе-гана выступил Чжан Инь-линь⁶³. В частности, он заявил, что главным методологическим принципом Гу был «аргумент умолчания» (默證), который являлся далеко не универсальным. Примеры его использования на материале средневековых исторических сочинений приводили к откровенному абсурду⁶⁴. Примечательно, что Гу Цзе-ган никогда не отвечал критикам прямо, по каждому из контраргументов (которые чаще всего показывали невозможность доказательства), а стремился доказать обоснованность концепции в целом. Позитивистский исторический метод вообще не был приспособлен для решения вопросов о глубочайшей древности, о верификации и фальсификации гипотез о происхождении целых народов и культур. В этих условиях Чжан Инь-линь мог предложить только формулу «история неотличима от литературы» (文史不分), которая обрела совершенно другой смысл в результате постструктуралистского поворота. Сам Гу Цзе-ган так и не «вырвался» за пределы позитивистского противопоставления «факт – миф». Ценность мифологии, определялась прагматически – насколько те или иные факты соответствовали или не соответствовали выдвинутой гипотезе. Парадоксально, но цинская историческая методология *каочжэн* учитывала взаимодополняющий и взаимосвязанный характер истории и литературы, переплетённость исторического и мифологического времени. Заслугой Гу Цзе-гана была «щедрость» к оппонентам, статьи которых он публиковал в корпусе «Гу ши бянь», отлично понимая, что даже противоречащие друг другу версии расширяют границы понимания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Калюжная Н.М. Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) – китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М.: [Б.и.], 1995. 342 с. [Kalyuzhnaya N.M. Traditsiya i revolyutsiya. Zhang Binglin (1869–1936) – kitayskiy myslitel' i politicheskii deyatel' Novogo vremeni. Moscow, 1995. 342 pp.]
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. Лян Ци-чао. Новое учение об истории. [Традиционная] история Китая. Перевод с китайского и примечания Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. №5. С. 107–117. [Martynov D.Ye., Martynova Yu.A. "Novoye ucheniye ob istorii" Liang Qichao. Liang Qichao. Novoye ucheniye ob istorii. [Traditsionnaya] istoriya Kitaya. Perevod s kitayskogo i primechaniya D.Ye. Martynova // Voprosy filosofii. 2019. No 5. Pp. 107–117].
- Мартынов Д.Е. Чжан Бинлинь и китайская историография // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений. Т. 2 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 239–243. [Martynov D.Ye. Zhang Binglin i kitayskaya istoriografiya. In: Vseobshchaya istoriya i is-

⁶² Гу Цзе-ган 1982: 217–231.

⁶³ 張蔭麟 (1905–1942) – китайский интеллектуал (историк, филолог, историк философии, литературовед). В 17 лет опубликовал первое сочинение о Конфуции и Лао-цзы, где показал, что текстологические выкладки Лян Ци-чао были неверны. В 1929 г. окончил университет Цинхуа, и продолжил образование в Стэнфордском ун-те (США). В 1937 г. по заказу Фу Сы-няня написал «Очерк истории Китая».

⁶⁴ Transforming History 2011: 249–251.

- tricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statey i soobshcheniy. T. 2 / sost. i otv. red. G.P. Myagkov, Ye.A. Chigliintsev. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2020. P. 239–243]
- Гу Сюэ-фэн (谷学峰). 1958 нянь «Шисюэ гэмин» яньцзюэ (1958年“史学革命”研究, Исследование «историографической революции» 1958 г.) / Боши луньвэнь (博士论文, Ph.D. diss.); Шаньдун дасюэ (山东大学) 2011年[Gu Xuefeng. 1958 nian “shixue geming” yanjiu / Shandong daxue boshi lunwen, 2011. URL: <http://wap.cnki.net/lunwen-1011170427.html>].
- Гу Цзе-ган (顾颉刚). Гу ши бянь (古史辨, Критика древней истории). Т. 1. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1982. 286 с. [Gu Jiegang. Gushi bian. Shanghai guji chubanshe, 1982. Vol. 1. 286 pp.].
- Гу Чао (顾潮), Гу Хун (顾洪). Гу Цзе-ган пинчжуань (顾颉刚评传, Критическая биография Гу Цзе-гана). Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2014. 160 с. [Gu Chao, Gu Hong. Gu Jiegang pingzhuàn. Nanchang: Baihuazhou wenyi chubanshe, 2014. 160 pp.].
- Исии Ган (石井刚). Ду «Да Те Чжэн» (讀《答鐵錚》), Читая «Письмо Те Чжэну» // Чжэньчжи дасюэ чжэсюэ. 2015. №11. С. 1–4. [Ishii Gan. Du “Da Te Zheng”. In: Zhengzhi Daxue zhexue. 2015. No.11. Pp. 1–4].
- Чжан Тай-янь цюаньцзи (章太炎全集, Полное собрание сочинений Чжан Тай-яня). Т. 4. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1985. 501 с. [Zhang Taiyan quanji. Di si ce. Shanghai: Renmin chubanshe, 1985. 501 pp.].
- Hon Tze-Ki. Ethnic and Cultural Pluralism: Gu Jiegang's Vision of a New China in His Studies of Ancient History // Modern China. 1996. Vol. 22, no. 3. Pp. 315–339.
- Levenson J. Confucian China and Its Modern Fate. Volume III: The Problem of Historical Significance. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1965. 180 pp.
- Li Xueqin. The Xia-Shang-Zhou Chronology Project: Methodology and Results / Tr. by Sarah Allan // Journal of East Asian Archaeology. 2002. Vol. 4, no. 1. P. 321–333.
- Murthy V. The Political Philosophy of Zhang Taiyan: The Resistance of Consciousness. Leiden; Boston: Brill, 2011. 266 pp.
- Tang Xiaobing. Global Space and the Nationalist Discourse of Modernity: The Historical Thinking of Liang Qichao. Stanford: Stanford University Press, 1996. 289 pp.
- Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth-Century China / Ed. by B. Moloughney and P. Zarrow. Hong Kong: The Chinese U.P., 2011. 429 p.
- Wong Young-tsu. Discovery or Invention: Modern Interpretations of Zhang Xuecheng // Historiography East and West. 2003. Vol. 1, no. 2. P. 178–203.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра алтаистики и китаеведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Zhang Binglin, Gu Jiegang and the "Historiographic Revolution" in China

The article is devoted to the “historiographical revolution” of the 20th c. in China. Two methodological systems by radical thinkers representing two generations were chosen for analysis, that of Zhang Binglin (1869–1936) and Gu Jiegang (1893–1980). Both of them received traditional Confucian education, which determined the direction for research, an ambivalent attitude to traditional Chinese culture and historical knowledge. The thinking of Zhang Binglin had a strong political and nationalist conditionality, which was combined with the perception of the latest trends of the *Kulturgeschichte* through Japanese translations and works by Japanese historians. The perception of important provisions of Rankean positivism, in particular, the emphasis on source criticism (*Quellenkritik*), correlated with the neo-Confucian “evidential scholarship” (*kaozheng*). Recognizing the objectivity of time and existence of the laws of history, Zhang Binglin rejected moral assessments of traditional Confucian historiography. He was also the first to contrast mythology and historical truth, the analysis of which was carried out by Gu Jiegang. On the one hand, Gu Jiegang strove for a phenomenological reconstruction of mentality and perception of history at the next stage of historical development. On the other hand, he was never able to go beyond pragmatic use of mythological information to prove correctness of hypotheses put forward.

Keywords: Chinese historiography, “historiographic revolution”, scientific method, “theory of stratification”, Liang Qichao, Zhang Binglin, Gu Jiegang

Dmitry Martynov, Dr. Sc (History), professor in the Department of Altaic and Chinese studies Institute of International relations of Kazan (Volga region) Federal University.